

Сергей Куделя

Ответ Андреасу Умланду: война в Донбассе началась изнутри*

Андреас Умланд подготовил содержательный и тщательный обзор¹ моей заметки для ПОНАРС², анализирующей внутренние источники вооруженного восстания в Донбассе в марте-апреле 2014 г. Хотя Умланд сделал несколько важных замечаний, особенно в отношении моего недостаточного внимания вкладу России в конфликт, он не ответил на мои главные аргументы о роли силового потенциала государства, а также групповых эмоций в том, что восстание стало возможным. Фактически, он, кажется, согласен с большинством приведенных мной аргументов и фактов – но он не согласен с тем, что они имеют первопричинное значение в донбасском конфликте.

Поскольку Умланд является известным экспертом по правоэкстремистским организациям и идеологам России, я понимаю его недовольство моим утверждением, что политические лидеры и организации играли второстепенную роль в развитии сепаратистского движения в Донбассе. Российские политические деятели, такие как Александр Дугин или Владимир Жириновский, длительное время являются объектами его исследований, поэтому отсутствие личностных факторов в моем анализе он интерпретирует как признак его «анти-» либо же «аполитичности». Тем не менее, в течение многих десятилетий государство используется как независимая переменная во множестве политологических исследований. Многие из недавних влиятельных теорий о причинах гражданских войн (основывающихся в том числе на крупных эмпирических исследованиях Джеймса Фирона, Дэвида Лэйтина, Поля Коллье Анке Хоффлер, Андреаса Уиммера, Ларса-Эрика Цедермана, Брайана Мина, Кристиана Скреде Гледич, Хальварда Бухауга, Ховарда Хегре, Николаса Самбаниса) указывают на центральное значение силового потенциала, ресурсов и институтов государства. В свою очередь, роль групповых стратегий и эмоциональных реакций в запуске внутренних конфликтов находится в центре внимания многих других социальных исследователей (Тед Гурр, Дональд Горовиц, Бэрри Позен, Роджер Петерсен). Особое внимание к структуре государства и групповым мотивациям, а не к элитам и отдель-

* Ранее опубликовано на английском языке на сайте *PONARS Eurasia* (26 December 2014).

¹ Umland A. In Defense of Conspirology: A Rejoinder to Serhiy Kudelia's Anti-Political Analysis of the Hybrid War in Eastern Ukraine // *PONARS Eurasia*. 30 September 2014.

² Kudelia S. Domestic Sources of the Donbas Insurgency // *PONARS Eurasia Policy Memos*. 2014. № 351. 15 September.

ным лидерам не делает эти теории менее «политическими». Государственные институты и групповые убеждения имеют по крайней мере такое же политическое значение, как и отдельные идеологи или партийные машины. Критический обзор Умланда ставит пять дополнительных вопросов, к которым я обращаюсь далее.

1. *Были ли «турбулентные времена» во время Евромайдана уникальными в истории независимой Украины?* Умланд, кажется, согласен с моими доводами о фрагментации украинского государства и подрыве его способности использовать инструменты принуждения во время и после Евромайдана, но он сомневается в беспрецедентности этих процессов. Он полагает, что Украина уже переживала аналогичным образом бурные времена и «националистические всплески» в 1990-х и 2000-х гг., но они не привели к вооруженным конфликтам. Формальные государственные институты Украины, безусловно, были слабы на протяжении большей части истории страны, но эта слабость зачастую компенсировалась неформальными институциональными структурами – этот аргумент я уже приводил в одной из моих предыдущих статей³.

Тем не менее, в кризисе января-февраля 2014 г. даже неформальных методов разрешения конфликтов оказалось недостаточно, что привело к общественному противодействию центральным властям в многочисленных городах Западной и Центральной Украины. Его наиболее очевидными символами стали штурм местных государственных администраций, изгнание назначенных Киевом губернаторов и утверждение региональной власти самопровозглашенных «народных советов». В то же время локально организованные «отряды самообороны» взяли на себя правоохранительные функции и заменили регулярные милицейские силы. Хотя, как утверждает Умланд, эти действия и были направлены против режима Виктора Януковича, они привели к потере государственной властью контроля над значительной частью своей территории, что стало беспрецедентным в истории Украины. Это отрицание авторитета государственной власти со стороны общественных масс возымело значительный показательный эффект и на другие регионы Украины, в частности, в Донбассе, где неприятие движения Евромайдана было наиболее сильным. Победа движения Евромайдана узаконила *захват* государственных учреждений в качестве тактики народного сопротивления, что сделало возможным ее адаптацию движением анти-Евромайдана в Донбассе.

2. *В чем заключалось значение националистических групп?* Хотя дискуссия о точной роли националистических организаций в развитии и успехе Евромайдана все еще продолжается, существует относительный консенсус среди ученых, что: а) они занимали видное место в насильственной фазе протестов Евромайдана, начиная с противостояния с ОМОНОм на киевской улице Грушевского до штурма правительственных зданий в регионах; б) их действия ускорили крушение режи-

³ Kudelia S. The Sources of Continuity and Change of Ukraine's Incomplete State // Communist and Post-Communist Studies. 2012. Vol. 45. №№ 3-4. P. 417-428.

ма Януковича. После падения Януковича продолжались случаи силового произвола по отношению к госчиновникам со стороны активистов «Правого сектора». Такая заметность экстремистских националистических групп и массовое использование националистических лозунгов и символов широкой публикой также не имели прецедента в истории независимой Украины.

Независимо от усиливающего эффекта от пропаганды в российских СМИ (а ранее и украинской пропаганды в поддержку Януковича), присутствие вооруженных экстремистских националистических групп на Майдане было реальным и очень заметным, как и неудачные попытки новой власти их обуздать. В этом отношении не было ничего необычного в эмоциональной реакции многих жителей Донбасса на группировки, к которым они уже долгое время, согласно данным нескольких соцопросов, испытывали сильнейшую неприязнь. Последующее создание военизированных батальонов на базе сил «Правого сектора» и других националистических групп для участия в «антитеррористической операции» в Донбассе стало для местных жителей еще одним свидетельством сговора между новыми властями Украины и националистами. В результате, в опросе июня-июля 2014 г. большинство респондентов в Донбассе назвало «радикальные националистические организации» главным виновником вооруженного конфликта на своей территории⁴.

3. *В чем состоит роль местных политиков?* Умланд критикует мою заметку, помимо прочего, за то, что в ней не указаны деятели, чьи «политическая власть, вес, навыки и ресурсы» смогли превратить местные обиды в «устойчивую политическую акцию», в результате которой образовались «два вооруженных до зубов псевдо-государства». Перечисленные мной организации Умланд называет «несущественными», а лиц, участвующих в сепаратистском движении – «смешными». Его аргументы основываются на предположении, что без авторитетных и хорошо обеспеченных ресурсами лидеров и организаций вооруженное восстание не было бы возможным.

На самом деле начальные затраты мятежей в значительной степени зависят от мощности государства, с которым они намерены вступить в конфликт. Чем слабее государство, тем проще и дешевле начать повстанческую кампанию. Учитывая массовое дезертирство местной милиции и делегитимизацию (и последующий окончательный крах) местных политических институтов, затраты на раскрутку сепаратистского движения в Донбассе были минимальными. Между тем, как показывает Пол Стэниленд, организационная структура мятежа имеет различные формы и не должна быть глубоко укоренена в местные общины или основываться на уже существующих, тесно связанных между собой группах⁵. Авангардные мятежи, основанные на сильных организациях, которые, по заме-

⁴ См. стр. 7 в слайд-шоу этого опроса: Ставлення до ситуації на Сході // Група Рейтинг. 22.07.2014. <http://ratinggroup.com.ua/products/politic/data/entry/14098/>.

⁵ Staniland P. *Networks of Rebellion: Explaining Insurgent Cohesion and Collapse*. Chicago, 2014.

чанию Умланда, отсутствовали в донбасском восстании, это только одна из четырех различных организационных разновидностей, которые описывает Стэнлиленд.

Две альтернативные разновидности, более соответствующие ситуации в Донбассе – периферийные и фрагментированные мятежи – предполагают значительно более слабые горизонтальные связи между повстанцами и минимальную организацию. Еще важнее то, что, как показывает в своей работе Роджер Петерсен, лидеры часто играют второстепенную роль в разжигании вооруженного восстания⁶. Они скорее не возглавляют мятеж, а оппортунистически следуют ему и используют эмоциональные реакции местных групп на внешние структурные изменения. Новые руководители у руля сепаратистского движения в Донбассе подобным образом оседлали волну общественного страха и негодования, вызванную революцией Евромайдана и последующим свержением Януковича, ожидая быстрого продвижения во власть.

4. Какова роль России в конфликте? Неоднократно в качестве основного недостатка моей заметки Умланд называет тот факт, что я избегаю упоминания роли России в донбасском конфликте. На это я могу ответить, что целью моей заметки было оспорить традиционное представление о центральном значении России в развязывании мятежа в Донбассе и подчеркнуть ключевую роль внутренних переменных. Российская политика в Донбассе безусловно заслуживает отдельной исследовательской статьи. Тем не менее, я сделаю здесь два предварительных замечания по этому вопросу.

Во-первых, Умланд предполагает, что российские средства массовой информации оказали решающее влияние на мнение жителей Донбасса, вызвав усиление негативных эмоций, которое я описал в своей заметке. Это широко распространенное мнение среди украинских политиков и экспертов, которое привело к запрету российских телевизионных передач в Украине. Однако эта точка зрения не имеет под собой никакой научной основы. Умланд не представил никаких доказательств предполагаемого влияния российских новостных передач на жителей Донбасса. Точно также не совсем понятно, какой причинно-следственный механизм он имеет в виду, когда указывает на влияние аннексии Россией Крыма в качестве еще одного аргумента в пользу предполагаемого им первостепенного значения России в донбасском восстании. Самое главное, что оба эти аргумента не учитывают вариации в реакции жителей других областей Восточной и Южной Украины, в равной степени подверженных влиянию российских СМИ и информации о присоединении Крыма к РФ. Большинство жителей этих регионов либо однозначно встало на сторону украинских властей, как в Днепропетровске или Херсоне, или же сделало несколько, в конечном счете, неудачных попыток начать сепаратистское движение, как, например, в Харькове. Неоднородные реакции

⁶ Petersen R. *Understanding Ethnic Violence: Fear, Hatred, and Resentment in Twentieth-Century Eastern Europe*. Cambridge, 2002.

были и в самом Донбассе, так как мятежу не удалось укорениться в некоторых районах Луганской и Донецкой областей. Я считаю, что эти отличия невозможно объяснить, игнорируя внутренние предпосылки конфликта. Следовательно, можно утверждать, что новейшая политическая история Донбасса, а также давно сложившиеся взгляды и предпочтения его русскоязычных жителей являются первопричиной возникновения мятежа.

Во-вторых, следует различать значение России в запуске мятежа и ее лепту в его поддержании. Я считаю, что без наличия внутренних предпосылок любое внешнее вмешательство в Донбассе не привело бы к вооруженному восстанию и, следовательно, причинное первенство принадлежит местным переменным. В то же время я также полагаю, что Москва сыграла решающую роль в продлении мятежа, предоставляя оружие, позволяя свободное передвижение наемников между Россией и Украиной и направляя ограниченные военные контингенты в регион, чтобы остановить продвижение украинских сил.

5. *Какого мнения придерживаются другие ученые о донбасском конфликте?* Наконец, Умланд критикует меня за то, что я уделил слишком много внимания заявлениям политиков, проигнорировав анализ других ученых. Опять же, аналитические заметки *ПОНАРС Евразия* посвящены, как правило, текущим политическим дискуссиям, и именно по этой причине я упомянул взгляды американских политиков и аналитиков. Тем не менее, в первые месяцы конфликта среди западных политологов преобладало мнение о решающей роли России в разворачивании сепаратистского восстания в Донбассе. Александр Мотыль, Дэвид Марплс и Тарас Кузио, среди прочих, анализировали его как событие, организованное и управляемое из Москвы. Им можно противопоставить лишь недавние работы Ричарда Саквы и Ивана Качановского, которые указывают на значение внутривнутриполитических предпочтений в Донбассе в запуске конфликта. Поэтому мой собственный анализ структурных изменений, ускоривших донбасский мятеж, а также эмоциональной реакции жителей региона на эти перемены, надеюсь, будет способствовать более многогранному пониманию причин войны в Донбассе.